

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.1>

Бурцева Жанна Валерьевна

КОНЦЕПТ "КОЧЕВЬЕ" В СМЫСЛОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЕВЕРНОГО ТЕКСТА ЛИТЕРАТУРЫ ЯКУТИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА А. КРИВОШАПКИНА)

Статья посвящена исследованию Северного текста литературы Якутии, который рассматривается как культурно-системное единство автономных текстов, смысловым ядром которого является литература малочисленных народов Севера, наиболее ярко отражающая национальную картину мира северного человека. Анализ концептосферы данного сверткста позволит определить особенности репрезентации и интерпретации национально-обусловленных образов, символов, тем, мотивов и проблем. Ядерный концепт "кочевье" рассматривается как одна из базовых категорий выявления этнического самосознания северных народов, которое не мыслится вне кочевого образа жизни.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/8-1/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 8(86). Ч. 1. С. 9-13. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.0

Дата поступления рукописи: 10.05.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.1>

Статья посвящена исследованию Северного текста литературы Якутии, который рассматривается как культурно-системное единство автономных текстов, смысловым ядром которого является литература малочисленных народов Севера, наиболее ярко отражающая национальную картину мира северного человека. Анализ концептосферы данного сверттекста позволит определить особенности репрезентации и интерпретации национально-обусловленных образов, символов, тем, мотивов и проблем. Ядерный концепт «кочевье» рассматривается как одна из базовых категорий выявления этнического самосознания северных народов, которое не мыслится вне кочевого образа жизни.

Ключевые слова и фразы: Северный текст; образ Севера; концепт; концептосфера; кочевье; кочевник; литература малочисленных народов Севера Якутии.

Бурцева Жанна Валерьевна, к. филол. н.

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск
gvburtseva@mail.ru*

КОНЦЕПТ «КОЧЕВЬЕ» В СМЫСЛОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЕВЕРНОГО ТЕКСТА ЛИТЕРАТУРЫ ЯКУТИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА А. КРИВОШАПКИНА)

Север как образно и тематически обозначенный центр литературы малочисленных народов Севера Якутии (эвенов, эвенков, юкагиров), так и в целом литературы Якутии имеет свои географические, историко-культурные характеристики, а также субъективный образ восприятия и интерпретации реального пространства. Представляется целесообразным выделение Северного текста литературы Якутии как одного из топосных сверттекстов культуры, как «сложной системы интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [13, с. 67]. Таким образом, Северный текст литературы Якутии может быть реконструирован как культурно-системное единство автономных текстов, смысловым ядром которого является литература малочисленных народов Севера, наиболее ярко отражающая национальную картину мира северного человека.

Анализ концептосферы данного сверттекста позволит определить особенности репрезентации и интерпретации национально-обусловленных образов, символов, тем, мотивов и проблем. Ядерный концепт «кочевье» рассматривается как одна из базовых категорий выявления этнического самосознания северных народов, которое не мыслится вне кочевого образа жизни. При этом необходимо учитывать, что кочевье северных народов очень отличается от кочевого степных народов даже потому, что северные кочевники приспосабливаются к таким условиям, которые кажутся просто невыносимыми для жизни человека. Север – это не просто среда обитания, а суровое место для испытания и выживания избранных людей, имеющее свои правила и законы. Природа здесь требует от человека не просто ощущения единения с ней, но и глубокой связи с каждой частицей окружающего мира, что является базисным для осмысления сущности северной литературы.

Мой Север сильных духом уважает
И сильных телом по заслугам чтит.
Здесь хилый никогда не выживает,
А малодушный с Севера бежит
(«Сын Севера») [11, с. 47].

Представление о Севере как месте испытания души и тела на выносливость, смелость, честность и надежность связано с географическим положением Севера на краю земли, где все на грани человеческих возможностей. Геополитически Север – это арктическая зона вечной мерзлоты, причем подавляющее большинство северных земель представляет собой тундру, местами непроходимую тайгу. Природно-климатические условия северных территорий предполагают дискретные человеческие заселения, разбросанные по достаточно однородному рельефно пространству.

В Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации подчеркивается, что «сложные природно-климатические условия, уязвимость традиционного образа жизни и малочисленность каждого из народов Севера обусловили необходимость

формирования особой государственной политики в отношении их устойчивого развития, предусматривающей системные меры по сохранению самобытной культуры, традиционного образа жизни и исконной среды обитания этих народов» [4].

В художественных произведениях, составляющих Северный текст литературы Якутии, также закономерно возникают мотивы духовного возрождения Севера, сохранения системы традиционных ценностей, архаичности народов, тенденция к изображению мифологического пространства Севера. Необходимо учитывать, что на границах ойкумены сложилось совершенно иное представление о цивилизации, произошло рождение особого кочевого типа цивилизации. Главным действующим лицом у этих народов является кочевник-оленевода, и поиски новых земель и пастбищ для оленей стали главным содержанием их жизни. Древние северные этносы не только не подвергаются так называемому «перевоспитанию» или включению в «современную цивилизацию», а напротив, нуждаются в том, чтобы условия их существования максимально соответствовали их традициям. По признанию писателя-эвена А. Кривошапкина, «цивилизация с самого начала внесла в размеренный ритм жизни северных этносов много вреда. Это родимые пятна цивилизации – пьянство, алкоголизм, социальные болезни, безработица, угроза полного исчезновения родного языка и самобытной традиционной культуры» [7, с. 5].

Как подчеркивает О. К. Лагунова, «в условиях кризиса и распада советской цивилизации писатели из коренных малочисленных народов оказались в ситуации наибольшей самоидентификации, практически вне кризиса этнической и гражданской идентичности» [12, с. 66]. Действительно, несмотря на глобальные трансформации этнической самоидентификации в современном мире, в северной литературе наиболее ощущается способность этноса говорить о себе, представлять свою архаичность как большое преимущество.

В основе произведений народного писателя и поэта Якутии Андрея Васильевича Кривошапкина лежит именно такая самоидентификация, которую называют «идущей изнутри этноса». Данная этническая манифестация выразилась в авторских строчках:

Я – эвен, и этим я горжусь,
Языком своим горжусь,
Все заветные слова
В нем с волнением нахожу.

Он сумел в себя впитать
Глубину и ширину –
Все, что мне пропела мать,
Ее душу и мечту...
(«Я – эвен») [11, с. 8].

Сам писатель родился в тундре, поэтому органическая связь с природой Севера впитана им с детства, с традициями далеких предков. Автор повествует в своей первой трилогии «Кочевье длиною в жизнь»: «Жизнь моя похожа на длинное, длинное кочевье по неизведанным тропам по крутым склонам величественных гор Верхоянского хребта. Сегодня я весь в кочевье. Только не знаю, когда остановка...» [6, с. 54].

Концепт «кочевье» становится основой авторского моделирования мира, в котором синтезировались основные национально-культурные образы, темы, мотивы и проблемы. Как известно, формирование и трансформация художественного концепта в творчестве писателя «пронизывает всю структуру произведения, выходит за его пределы, связывая определенный художественный текст с другими произведениями писателя, художественной литературы, с культурными константами нации» [1, с. 53]. В индивидуальном творчестве концепт неизбежно наполняется мифологическими смыслами, обретает статус мифологемы, выражая как общенациональное видение мира, так и образуя персонализированную концептосферу. Писатель интерпретирует окружающую действительность, исходя из собственного мировоззрения, художественного метода, перерабатывая предшествующий опыт. Так, А. Кривошапкин сам является носителем культуры кочевого, в творчестве часто прибегает к автобиографической форме авторского самовыражения, используя категорию памяти или автобиографический нарратив: «Я в детстве тундровом еще застал картины первородные, когда стада, казалось, затмевали свет качающейся порослью рогов, где норовило солнце затонуть, но выплывало, чтобы на рогах оленьих мягким золотом сиять. То чудо не забудешь никогда: из поколения в поколение им ребенок восхищался, ощутив веков и дней связующую нить – сообщество оленей и людей» [9, с. 4]. Рассказчик в произведениях нередко представлен как автобиографический герой и лирический герой, субъект лирических переживаний и субъект повествования, объект собственного восприятия и воображения, объект авторской рефлексии.

Содержание концепта «кочевка-аргиш» получает репрезентацию в этнически маркированных образах кочевников-оленевонов, «оленных людей», северян, образах-символах природы, оленя, медведя-абаги, снежного барана-уямкана, волка, тундры, тайги, снега, гор, реки, Крайнего Севера. Жизнь кочевников-оленевонов неразрывно связана и определена жизнью оленей. Так, в повести «Уямканы идут на север» [10], романах «Золотой олень» [5], «Кочевье длиною в жизнь» [6], «Оленные люди» [7] и других центральной мифологемой является образ оленя, который не просто связан с традиционным кочевым образом жизни. Прежде всего, олень – очень древний священный символ для северных народов, олицетворяющий источник жизни, силу и благородство, отвагу и чистоту. Мифопоэтическая природа произведений сочетает в себе два аспекта: диахронический и синхронический, при этом рассказ о прошлом становится средством объяснения и познания настоящего.

«Олень для эвена и других северных народов – это основа жизни. Без оленя они никто. Без оленя они исчезнут как этносы. Тысячу раз правы те, кто считал и считает, что олень – пища, одежда и жилище для северянина. Другого такого животного, как олень, по степени жизненной необходимости и пользы не существует» [Там же, с. 5]. Поэтому изображение героя кочевника-оленевода в литературе пронизано желанием сохранения традиционного вида деятельности, так как в динамическом жизненном пространстве кочевого мира заключен весь национальный дух. Глубокая философская мысль заключена в эвенской поговорке: «Есть олень – есть жизнь, есть олень – есть эвен» [Там же, с. 6].

В романе «Золотой олень» поднимаются проблемы нравственности и возрождения духовных ценностей, духовного выбора, судьбы будущих поколений, экологии. Писатель описывает внутренний конфликт между ценностями современного общества и главным героем Айняри, возвышающимся над трагическими противоречиями времени. Рисуя образ благородного белого оленя Гялтане как полноправного сознательного героя романа, тонко раскрывая его внутренний мир, психологию, красоту, автор задает вопрос своему современнику: «Продолжится ли род Гялтаня и будет ли он согреть жизнь будущих поколений эвенов?!» [5, с. 205].

Для осмысления болевых точек автор обращается к таким культурологическим дихотомиям, как природа и цивилизация, природа и человек, естественность традиционной культуры и пагубность современного общества. В романе «Оленные люди» А. Кривошапкин напрямую говорит, что Север стал вотчиной массового браконьерства, происходит повсеместный откровенный грабеж Севера. Даже нашествие ненасытного кровососущего комарья, призванного защищать Север от нежелательных пришельцев, не сравнится с нашествием алчных людей. Север стонет от беззакония «двуногих хищников-волков» [7, с. 55], стал беззащитным перед человеческой порочной натурой. Однако «оленные люди», как настоящие дети природы, знают, что Земля все слышит. Северный человек убежден, что за всякое бесчестье и алчность рано или поздно придется платить. Наступит время справедливости и возмездия за любое содеянное зло. Таков закон природы.

Автором описывается пограничный характер северного пространства, сочетание в нем противоположных черт. Пространство Северного текста представляет собой контрастные характеристики как сказочного и мифологического, завораживающего красотой, так и одновременно пугающего суровой правдой жизни. Так, образ Севера создается путем описания мотивов и образов с семантикой переходности. Северная природа как капризная женщина, часто меняющая свой облик: то лютый мороз, то невыносимая жара, то проливные дожди, то абсолютная тишина, когда ни дуновения ветерка, на небе бездонный купол голубого неба, то снегопад и жуткий ветер, то злая пурга. Основной в северной литературе является природная сфера, отсюда определяется типология отношения природы и человека. При этом существует иерархия этих отношений, когда человек равно как подчинен силам природы, так и способен их покорять и преодолевать. Мотив борьбы за жизнь проходит через всю северную литературу.

Ну, а люди тут,
Как долины, –
Широки, щедры и открыты,
И крепки, словно эти скалы,
Даже холод их не берет.
Как бы их ни гнула природа,
Как бы их судьба ни ломала,
Как бы время их ни пытало,
Они будут идти вперед...
(«Полюс холода») [11, с. 94].

Кочевая жизнь каждодневно требовала крепости духа и силы воли, формировала особые черты характера. Оленевод обязан бороться не только за собственное выживание, но и своих оленей, которые также находятся в постоянной опасности. Зимой гибнут от лютого мороза, в конце весны – от черной воды с сильным течением, летом – от ненасытных комаров и заболеваний, вызванных засухой.

Кочевье – это не только следствие исторических реалий, своеобразная социально-культурная система, специфический уклад жизни со своими ценностями, но и способ познания себя, внутреннее состояние души, потребность души, естественность бытия и самосознания. Нередко коннотация глагола «кочевать» связывается с отрицательным явлением, означающим вести бродячий неосёдлый образ жизни, не имея постоянного места жительства или часто меняя место жительства. Но для северного человека кочевье – это еще и тяжелый труд, работа, возможность прокормить и себя, и свою семью, и своих оленей.

Так, А. В. Головнев, размышляя, что заставляет кочевника всю жизнь быть в пути, пишет: «...кочевник непринужденно преодолевает границы и превращается из посетителя в покорителя. “Открытая” ментальная карта располагает к власти над чужим пространством. Кочевник “все свое носит с собой”, в том числе жилище, стадо и имущество, поэтому он всегда и всюду дома, в какой бы стране в пределах своей кочевой ойкумены не оказался» [3, с. 122].

Понятие дома и внемности у северян очень отличается от традиционного. Если у большинства народов дом – это, прежде всего, некое строение, жилище, постройка, свой угол, крепость, очаг, гнездо, дом представляет собой организующий центр мироздания, убежище, где можно найти безопасность и укрытие. У кочевника-оленевода дом – это то место, где пасется его олень, и эта кочевка бесконечная, подстрекаемая ненасытным желанием как можно скорее увидеть местность нового стойбища.

«Кочевая тропинка вьется то по берегам горных речек, то по подножью высоких лесистых гор, то по обрывистым местам – дякканга. Мне больше нравится кочевка по речкам. Заросли тальника, тополиные рощи, небольшие полянки, сменяя друг друга, вызывают любопытство. “Что же будет дальше?” – радуется душа ожиданием» [6, с. 67].

Идея движения, вечный мотив пути неразрывно связаны с кочевьем, получают физическое и метафизическое трактование. Пересечение пространственно-временных границ героем можно рассматривать как явление философское, так как кочевник преодолевает не только географические границы, фиксируя смену пейзажных зарисовок, но и границы через века. Они обращают его в некотором смысле к вечности, освобождают от времени, когда метафорические образы исторического прошлого и будущих поколений встречаются в одной точке. Временные границы между прошлым и настоящим на Севере стираются и даже перестают существовать. Значимость понятия «путь кочевника-оленевода» лежит в историко-культурной памяти народов, в символических смыслах поиска гармоничной модели бытия человека и природы.

Север дает также способность ощутить близость горизонтального и вертикального измерения пространства, когда сливаются небо и земля. Бескрайние просторы тундры – один из топосов, в котором не видно границ между небом и землей, между днем и ночью в пору белых ночей.

Купол неба отеческий,
Тундра в ярком цвету.
Даже вздох человеческий
Слышен здесь за версту,
Тишина разливается,
Что-то шепчет ручей.
Красотой упивается
Царство белых ночей
(«Монолог тундровика») [11, с. 13].

Само понятие «Север» довольно обширное, есть Русский Север, Заполярный, Европейский, Крайний, Циркуполярный. Север, как правило, ассоциируется чаще всего с периферией, воспроизводит пространственную дихотомию «край – материк». В обыденном восприятии доминантными являются картины Севера как холодного, отсталого, дикого, маргинального места. Если говорить о Северном тексте русской литературы, то он неразрывно соединен с лингвокультурным концептом «Русский Север», за которым, по словам Е. Ш. Галимовой, сокрыта «загадка русской жизни, русской истории, русской культуры, русской духовности, самой души Руси, а также тайна русского слова» [2]. Это связано и с тем, что Россия в принципе позиционирует себя как «северная страна», учитывая геополитическое значение северных территорий. И в этом плане часто возникают дискуссии, где же находятся северные границы.

В северной литературе Якутии также можно проследить, что понятие «Крайний Север» становится не тематическим явлением, а ментальной величиной, категорией культурологического мышления. Именно региональные литературы больше всего сохраняют в себе национальное своеобразие как в форме, так и в содержании, в ценностных ориентирах. Таким образом, субъектом северной ментальности в данном контексте является кочевник-оленеvod, и сама ментальность, состоящая из функциональных единиц (образов, представлений, установок, ценностей), также сформирована культурой кочевья.

В целом основные характеристики кочевья могут быть сведены к следующим определениям: кочевье – это традиционный образ жизни, мировоззрение, способ познания жизни и себя, связь с природой и историческим прошлым, борьба за выживание, потребность души, свобода, красота, опасность, суровая реальность.

Список источников

1. Антология художественных концептов русской литературы XX века / ред. и авт.-сост. Т. И. Васильева, Н. Л. Карпичева, В. В. Цуркан. М.: Флинта, 2013. 356 с.
2. Галимова Е. Ш. Северный текст в системе локальных (городских и региональных) сверхтекстов русской литературы [Электронный ресурс]. URL: http://narfu.ru/ifmk/cen_lab/ntext/files/galimova.pdf (дата обращения: 25.04.2018).
3. Головин А. В. Кочевье, путешествие и нео-номадизм // Уральский исторический вестник. 2014. № 4 (45). С. 121-126.
4. Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. Распоряжением Правительства РФ от 4 февраля 2009 г. № 132-р. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902142304> (дата обращения: 19.06.2018).
5. Кривошапкин А. Н. Золотой олень. Якутск: Кн. изд-во, 1990. 455 с.
6. Кривошапкин А. Н. Кочевье длиною в жизнь. Якутск: Бичик, 2000. 332 с.
7. Кривошапкин А. Н. Оленные люди. Якутск: Бичик, 2013. 341 с.
8. Кривошапкин А. Н. Песни Севера: стихи. Якутск: Бичик, 1995. 79 с.
9. Кривошапкин А. Н. Священный олень: этнографическая поэма. Якутск: Бичик, 2008. 62 с.
10. Кривошапкин А. Н. Уямканы идут на Север: повесть / пер. с эвен. В. Крупина // Полярная звезда. 1986. № 6. С. 14-26.
11. Кривошапкин А. Н. Я – Севера сын. М.: У Никитских ворот, 2016. 200 с.
12. Лагунова О. К. Научные версии литературного творчества коренных малочисленных народов Севера и Западной Сибири // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 1. С. 60-68.
13. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: Изд-во ННПУ, 2003. 169 с.

**“NOMADSHIP” CONCEPT IN SEMANTIC ORGANIZATION OF THE YAKUT NORTHERN TEXT
(BY THE MATERIAL OF A. KRIVOSHAPKIN’S CREATIVE WORK)**

Burtseva Zhanna Valer'evna, Ph. D. in Philology
*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies
of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
gvburtseva@mail.ru*

The article is devoted to studying the northern text of Yakut literature, which is considered as cultural and systemic integrity of autonomous texts, the semantic nucleus of which is literature of the indigenous peoples of the North representing most clearly the national worldview of a northern man. The analysis of this super-text's conceptual sphere allows the author to identify the peculiarities of the representation and interpretation of nationally determined images, symbols, themes, motives and problems. The nuclear concept “nomadship” is considered as one of the basic categories to discover northern people's ethnic self-consciousness that necessarily presupposes nomadism.

Key words and phrases: northern text; North image; concept; conceptual sphere; nomadship; nomad; literature of small peoples of the North of Yakutia.

УДК 8; 18:82

Дата поступления рукописи: 23.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.2>

В статье раскрывается восприятие повести Чингиза Айтматова «Прощай, Гульсары!» американскими литературоведами С. Соучеком, А. Куалином и Ш. Д. Грехэм. С. Соучек уверен в том, что произведения кыргызского писателя будут восторженно встречены читателями, уставшими от стереотипных персонажей и сюжетов. А. Куалин видит задачу Ч. Айтматова в защите культуры своего народа от различных внутренних проблем государства. Ш. Д. Грехэм отмечает, что использованный Айтматовым в своем произведении метод реализма отличается от реализма XIX века. Труды, близкие в тематическом аспекте с озвученной темой, были написаны двадцать лет назад, и, надо отметить, что они не смогли выйти из-под влияния советской идеологии. Автором проанализированы работы американских ученых, которые ранее не рассматривались.

Ключевые слова и фразы: Ч. Айтматов; С. Соучек; А. Куалин; Ш. Д. Грехэм; американская критика; советская литература; социалистический реализм.

Дуйшембиева Ажар Нурдиновна

*Национальная академия наук Кыргызской Республики, г. Бишкек
Кыргызско-Турецкий университет «Манас», г. Бишкек
ajarnuridin@gmail.com*

**ПОВЕСТЬ Ч. АЙТМАТОВА «ПРОЩАЙ, ГУЛЬСАРЫ!»
В ОЦЕНКЕ АМЕРИКАНСКИХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ С. СОУЧЕКА,
А. КУАЛИНА И Ш. Д. ГРЕХЭМ**

Произведения кыргызского писателя Чингиза Айтматова читают и изучают во многих странах мира, в том числе и в Соединенных Штатах Америки. О прозе Айтматова к настоящему времени в США опубликованы две монографии, написан ряд докторских диссертаций, вышло в свет множество научных статей. Все произведения Ч. Айтматова переведены на английский язык, а в учебных планах некоторых американских университетов можно встретить дисциплины, тематика которых в той или иной степени отражает творчество писателя. Этот факт свидетельствует не только об интересе к произведениям Чингиза Айтматова в Соединенных Штатах Америки как к популярной литературе, но и о научном интересе к творчеству писателя.

С момента выхода в свет повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» внимание читателей было привлечено ее противоречивым содержанием, открытой критикой советского образа жизни, трагизмом, наличием в сюжете фольклорных элементов, что породило в советской литературной среде многочисленные споры, несовпадение мнений. Многие советские литературоведы сделали попытку найти в повести позитивные стороны, доказательства того, что повесть написана в соответствии с требованиями метода социалистического реализма [1-6]. Литературные критики делали акцент на том, что в финале произведения Танабай выразил желание вернуться в ряды партии.

Какими же были взгляды на повесть со стороны западных, точнее говоря, американских литературоведов? Чем же различаются позиции советских и американских ученых в отношении оценки повести «Прощай, Гульсары!»? Для ответа на этот вопрос следует обратиться к некоторым критическим статьям, посвященным повести «Прощай, Гульсары!».

Одна из оценок данной повести принадлежит профессору Принстонского университета в Америке Свату Соучеку. В своей статье «Национальный колорит и билингвизм в произведении Чингиза Айтматова» [10] он исследует развитие творчества Ч. Айтматова от повести «Джамиля» до драмы «Восхождение на Фудзияму».